

С.И. ГЕССЕН НА «БАШНЕ» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

В статье рассматривается судьба знаменитой «башни» в Петербурге русского поэта и мыслителя Серебряного века Вячеслава Иванова после его отъезда за границу. В качестве приложения к статье публикуются неизвестные ранее письма С.И. Гессена, адресованные Вяч. Иванову и М.М. Замятниной, в которых идет речь не только о бытовых проблемах, связанных с временным проживанием Гессена на «башне», но и об издававшемся в начале XX в. журнале «Логос».

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Сергей Гессен, «башня» на Таврической, Серебряный век, журнал «Логос»

Sergey Hessen in the Tower of Vyacheslav Ivanov. VADIM V. SAPOV (Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences)

The article focuses on the fate of the famous Tower in St. Petersburg owned by the Russian Silver Age poet and thinker Vyacheslav Ivanov after his departure abroad. As an appendix to the article, the author publishes and comments several previously unknown letters from Sergey Hessen, a prominent Russian Neo-Kantian philosopher, to Vyacheslav Ivanov and Mariya Zamyatina, which reveal not only the everyday problems associated with the temporary residence of Hessen in the Tower, but also the details of “Logos” journal history.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Sergey Hessen, the Tower on Tavricheskaya, Silver Age, «Logos» journal

О «башне» Вячеслава Иванова написана уже целая литература (см., напр.: [2; 5; 10; 14]), снимаются документальные фильмы. Список побывавших на «средах» Вяч. Иванова и прочих посетителей «башни» составит, наверное, сотни страниц. Во всяком случае, уже сейчас вполне можно составить антологию «На “башне” Вячеслава Иванова», и если в эту антологию включить не только воспоминания ее посетителей, но и дневники и письма современников, то, вероятнее всего, в один том она не уместится.

Но есть одно обстоятельство, на которое, кажется, еще не обращал внимание никто из писавших и пишущих о «башне»: со време-

нем «башня» превратилась в нечто самостоятельное, существующее независимо от своих «населенников» и живущее своей особой, можно сказать, мистической жизнью. Отмечалось 100-летие, а недавно (в 2016 г.) даже 111-летие «башни». Одновременно это и 111-летие всего здания на Таврической, но это обстоятельство оказалось как бы в тени, что, наверное, не совсем справедливо. Ведь годовщина любого дома – это прежде всего годовщина его создателя. Если правильна мысль о том, что «в судьбе символиста – все символично», то заслуживают внимания и те люди, жизненные пути которых так или иначе, иногда неведомо для них самих,

* САПОВ Вадим Вениаминович, старший научный сотрудник отдела теории и истории социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

E-mail: vadven56@yandex.ru

© Сапов В.В., 2019

пересеклись хотя бы однажды с жизненной траекторией символиста.

Здание, частью которого является «башня» Вячеслава Иванова, построил архитектор Михаил Николаевич Кондратьев, которому в ту пору было всего 26 лет. Это первое из семи построенных им в Петербурге зданий. Строил он дома и в Ростове-на-Дону, и в Таганроге (первый «круглый дом», построенный в СССР), пытался продолжать свою работу и при большевиках, но с ними отношения у него не сложились, в 1930-х гг. он был арестован, а из стен ростовского НКВД, как пишут его биографы, вышел уже надломленным. Во время войны эвакуировался в Ташкент, где и умер в 1943 г. А «дом с башней», да и сама «башня» продолжали жить своей жизнью, которой живут и по сей день.

Нет нужды фантазировать о том, как складывались бы жизнь и творчество Вяч. Иванова, если бы по возвращении в Россию в 1905 г. он поселился бы пусть даже и в Петербурге, но в каком-то другом доме. Не нужно и объяснять, что такое вид из окна вообще, и что такое вид из окна для поэта. В романах Ф.М. Достоевского, который как никто из современников понимал душу Петербурга, вид из окна иногда убивает героя (как «проклятая Мейерова стена» в «Идиоте» фактически убивает несчастного Ипполита, хотя, по его собственным словам, она ему «дороже всех павловских деревьев»), а иногда становится невольным соучастником его преступления, как двор (каменный колодец), который каждый день видит из своего окна Родион Раскольников.

«Чтобы понять поэта, – учит Гете, – надо побывать на его родине». У Вячеслава Иванова, пожалуй, три родины: Москва – Петербург – Рим. Москва его детства давно уже исчезла. Затонула, как Атлантида. Ее можно восстановить только по его описаниям, отчасти – по описаниям современников. Рим – на своем месте, как и тысячи лет назад. «Башня» тоже на своем месте, но, к сожалению, подняться на шестой этаж знаменитого дома на Таврической и из окна или окон квартиры № 24 насладиться фантастическими видами расстилающегося внизу Петербурга в последние годы невозможно: на шестом этаже вот уже много лет идет ремонт, посетителей не пускают, а что будет на башне после ремонта, сейчас, наверное, никто не скажет.

Из русских символистов, так любивших цитировать Ницше, никто, кажется, не обратил внимания на такие его слова: «Высокая культура – это пирамида: она может стоять только на

широком основании, она имеет, как предпосылку, прежде всего сильную и здоровую ответственность» [12, Т. II, с. 686]. Если «башню» и «пирамиду» сравнивать как понятия символические, то опасность, угрожающая «башне», становится очевидной: «опрокидывающий момент» у башни гораздо больше, чем у пирамиды: она может упасть при первом же сильном порыве ветра, что, собственно, и произошло в 1917 г. «Предчувствия и предвестия» этого опрокидывания были уже у некоторых современников. Бердяев, например, писал в «Самопознании»: «На “башне” велись утонченные разговоры самой одаренной культурной элиты, а внизу бушевала революция» [4, с. 156].

По-видимому, отчетливое осознание катастрофичности «башенной культуры» к участникам петербургских «симпозиумов» пришло гораздо позже – к одним сразу же после катастрофы, к другим – спустя какое-то время (к кому-то и вовсе не пришло, но это уже за скобками нашего рассмотрения). Вяч. Иванов писал в 1919 г.:

Да, сей пожар мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит [9, Т. IV, с. 81].

Хорошо известен и разговор Маяковского с А. Блоком поздней осенью 1917 г. (уже после захвата власти большевиками): «Нравится?» – спросил Маяковский. «Хорошо», – сказал Блок. А потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли» [11, с. 148].

Сожгли на самом деле всю усадьбу, но поэт жалеет только о библиотеке. Конечно, было бы лучше, чтобы народ, осуществляя свою «волю» и сжигая усадьбы, сберегал библиотеки, но в таком случае было бы недалеко и до осознания той простой мысли, что и усадьбы ему могут пригодиться. «...Крез спросил царя: “Что делает здесь эта орда с такой яростью?” Кир отвечал: “Они грабят город и расхищают твои сокровища”. Крез же возразил на это: “Нет! Не мой город и не мои сокровища они грабят. Нет у меня ничего больше: они расхищают твое достояние”» [7, с. 50].

Но для этого как раз и нужна культура-пирамида, а не культура-башня, для этого, как говорил Ф. Ницше, «необходимы плохие писатели» [12, Т. I, с. 344]. Иначе люди «незрелого возраста», не задумываясь, сметут «башню» со всеми ее обитателями. О чем и предупреждал другой великий поэт: «Город стал добычей мятежни-

ков. Они бросались грабить дома и купеческие лавки; вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы; резали всех, которые попадались им в немецком платье». Или такой вот «частный случай», который, поскольку в нем упомянуты «звезды», приобретает совсем уж злобный символический смысл: «Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить поближе к звездам» [13, с. 64, 77].

...Итак, «башня» опрокинулась и упала. Символическая, разумеется, башня, «башня» русской культуры. А дом, на котором размещалась эта «башня», остался на прежнем месте и дожил, к счастью, до наших дней, пережив и перетерпев всю нашу историю, то есть и революцию, и гражданскую войну, и большой террор, и блокаду, и все последующие годы. История дома известна лишь в самых общих чертах, известны имена нескольких десятков самых видных его жильцов, а также тот факт, что в годы блокады Ленинграда погибло более 60 жильцов этого дома [5, с. 622–635]. Совсем неизвестно, кто жил на «башне» после Вячеслава Иванова, что там вообще происходило.

Когда-нибудь на «башне» Вячеслава Иванова будет создан музей. Не важно, будет ли это Музей поэта и мыслителя, или Музей Серебряного века, или Музей русской дореволюционной культуры, главное, что пост-Ивановская история башни, да и самого дома, будет прослежена если не по годам, то хотя бы по десятилетиям до того самого момента, когда дух поэта снова найдет в ней свое изначальное и теперь уже окончательное прибежище.

А пока – по публикуемым письмам С.И. Гессена – можно проследить первый год жизни башни без Вячеслава Иванова. Что именно побудило Сергея Иосифовича Гессена переселиться на башню, сказать трудно. Возможно, он, как и г-жа Грюнвальд, был «влюблен в башню», может быть, он руководствовался какими-то неизвестными нам житейскими, финансовыми и тому подобными соображениями. Но интересно отметить, что «башня» приняла новых жильцов не очень дружелюбно: осенью в ней было холодно, печь дымила, жить в ней было трудно, а судя по письма – практически невозможно, хотя при Вяч. Иванове на подобного рода неудобства никто вроде бы не жаловался. Видимо, «башня» уже и в то время ждала своего хозяина и не хотела принимать чужаков. Ждет и теперь.

**Письма С.И. Гессена к Вяч. Иванову
(1911–1913 гг.)¹**

– 1 –

СПб. М. Конюшенная, 3 Тел. 36-20
11 авг<уста> <19>11

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Пожалуйста, *немедленно* сообщите мне, куда послать Вам корректуру Вашей статьи о Толстом в немецком переводе: она будет помещена в ближайшей книжке немецкого «Логоса»². Перевод не особенно удался Степуну (да и не мудрено) и требует с Вашей стороны самого внимательного чтения.

Сердечный привет от искренне преданного
С. Гессена

– 2 –

СПб. 19-ое марта <1912>

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Ежели желаете провести вечер в обществе петербургских философов, то последуйте пожалуйста приглашению, которое я Вам передаю по поручению Н.С. Войтинской³ (Могилевская ул., 25). На этом вечере (21-ое марта, среда) будут Н. Лосский, И. Лапшин, С. Франк, члены Философского Собрания, члены Философских семинаров Высших курсов и Университета. Нужно ли говорить Вам, что Ваше присутствие направит беседу собравшихся философов в сторону от узко специальных вопросов и придаст ей более общий (и интересный) характер?!

Если придете (*что будет очень хорошо*), то там же поговорим о кой-каких делах.

Искренне преданный
С. Гессен

– 3 –

СПб. 23-е марта <1912⁴>

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

К сожалению папа уже написал письмо несколько дней тому назад Борису Николаевичу. По его словам, письмо так им составлено, что Б.Н. не сможет быть огорчен отказом. Т<ак> к<ак> Набоков⁵ выехал из Петербурга, а папа уезжает сегодня, то отложим наше сражение на Фомину неде-

¹ Публикуются по оригиналам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 109. Оп. 16. Д. 13. Л. 1–10).

² Имеется в виду статья В.И. Иванова «Л. Толстой и культура».

³ Войтинская-Левидова Надежда Савельевна (1886–1965) – художница, переводчица, искусствовед, близкая к группе художников «Мир искусства».

⁴ Датируется по содержанию: речь в письме идет, по-видимому, об инциденте, связанном с предстоящей публикацией романа А. Белого «Петербург» (весьма вероятно, что это одно из «кое-каких дел», упоминанием о которых заканчивается предыдущее письмо). В начале марта 1912 г. П.Б. Струве категорически отказался печатать роман А. Белого на страницах редактируемого им журнала «Русская мысль». Одним из самых активных защитников романа был В.И. Иванов (подробнее см.: [8, с. 555–558]). В конце февраля 1912 г. А. Белый возвратился из Петербурга в Москву, а во второй половине марта, передав рукопись романа «Петербург» издателю К.Ф. Некрасову, выехал за границу.

⁵ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – криминалист и политический деятель, отец писателя В.В. Набокова, один из издателей кадетской газеты «Речь» (которую редактировал И.В. Гессен, отец С.И. Гессена).

лю. Папа сам очень нерешителен во всем этом деле, и при некотором давлении с Вашей стороны можно было бы, мне кажется, достичь успеха.

В понедельник буду у Вас, и мы поговорим о сем подробно.

Искренне преданный Вам
С. Гессен

– 4 –

СПб. Таврическая, 35*⁶
27 февр<аля> <19>13

Глубокоуважаемый и дорогой
Вячеслав Иванович,

Вы наверное получили уже давно книгу «Логоса» со статьями Яковенко и моей⁷. М<ожет> б<ыть> на досуге как-нибудь прочтете мою статью. Мне было бы лестно узнать Ваше мнение. Пусть Вас не останавливает то, что она трактует о юридическом вопросе. Философия (по крайней мере в моем понимании) едина, и истинный философ, говоря по поводу разного, в сущности должен говорить одно и то же. Вы не увидите в этом сомнения: в статье о наказании я (хорошо ли, плохо ли) постарался дать очерк моих общефилософских воззрений.

Но приступаю к делу. Это коллективная просьба к Вам от редакции «Логоса». Вы заметили наверное, что из числа ближайших сотрудников «Логоса» ушли Н. Лосский и С. Франк⁸. Лосский потому, что не хочет раздражать своих московских друзей (изд-во «Путь»), которым он отказал в ближайшем сотрудничестве. Франк потому, что считает «Логос» партийным органом неокантианцев, узурпировавшим наименование международного ежегодника по философии культуры.

О Лосском говорить нечего. Его мотивы отчасти личные и вполне понятные. Он нам вполне сочувствует и будет продолжать сотрудничать у нас, тогда как в Пути не будет и сотрудничать. Но он не хочет, чтобы его считали в борьбе «Логоса» и «Пути» взявшим сторону «Логоса»: это не соответствует вполне действительности и не желательно для него по личным мотивам.

О Франке тоже говорить не приходится. Франк по личным свойствам своего ума и характера обречен на безнадежное смешение определенности философской позиции с узостью и философской расплывчатости и мягкотелости с широтой. «Логос» никогда не собирался стать складочным местом для всяческого рода философических размышлений. С 1-ой же книги он определенно заявил, к чему стремится, и в течение трех лет, думается, не сошел с намеченного пути. Обвинять⁹ его в какой-то узурпации прямо смешно. Считать его органом неокантианцев – какой это провинциальный анахронизм! Будто Яковенко, Степун и я (не говорю о немцах) – это кантианство! С таким же правом можно было бы назвать нас и платоновцами и фихтеанцами и гегельянцами! Впрочем, Вы лучше другого чувствуете, что «Логос», если и партиен, то партиен постольку, поскольку он неуклонно стоит на дороге чистой философии. Для человека, обладающего философским зрением, уже теперь должно стать ясно, сколь велики по существу расхождения между Яковенко и хотя бы мной: к какому большому разномыслию они со временем неизбежно должны привести.

К сожалению, не только Франк, но и Борис Николаевич в своей последней статье в «Тр<удах> и Днях»¹⁰, забывши все пережитое за последние три года, каким-то непонятным образом игнорируя происшедшее развитие и намечавшуюся дифференциацию (признак живой силы!), попытался

⁶ В нижней части листа после текста сделано примечание: «* Изменили № дома».

⁷ Имеются в виду статьи Б.В. Яковенко «Об имманентном трансцендентализме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще. Второе, более специальное введение в трансцендентализм» и С.И. Гессена «Философия наказания» в «Логосе» (1912–1913, кн. 1–2).

⁸ На титуле указанного в предыдущем примечании номера «Логоса» в числе его «ближайших сотрудников» перечислены А.И. Введенский, В. Вернадский, И. Гревс, Ф. Зелинский, Б. Кистяковский, А. Лаппо-Данилевский, Э. Радлов, П. Струве, А.А. Чупров. В предыдущих номерах кроме них значились еще Н.О. Лосский и С.Л. Франк.

⁹ В оригинале «объявлять» – вероятно, описка.

¹⁰ «Последней статьей» А. Белого в «Трудах и днях» (1912, № 6) был его «Ответ Ф.А. Степуну...». Однако здесь, вероятнее всего, имеется в виду статья А. Белого «Круговое движение» (1912, № 4–5).

вернуть спор на старую позицию, на ту элементарную позицию о схоластике (кантианстве) и метафизике, которая в свое время так набила всем оскомину. Будто между *нашей* гносеологией и *истинной* метафизикой есть еще принципиальное различие! Будто происходит от скептической и боязливой гносеологии и бороться с дурной метафизикой значит быть схоластом и методологом! Нет, даже Борису Николаевичу не удастся (да и он сам наверное скоро изменит свое мнение) сделать небывшим то, что за это время случилось.

Итак, к чему я это все говорю? Чтобы просить Вас позволить нам поставить Ваше имя на обложке в числе ближайших сотрудников «Логоса» – на место Лосского и Франка. Нам важно поставить имя Вячеслава Иванова – Ваше сочувствие много значит и покажет всем, что мы не партийный, а вообще философский орган. Вспоминая наши беседы, я полагаю, что таково и Ваше мнение. Вы всегда считали «Логос» сознавшей себя философией. Критикуя «Логос», Вы критиковали философию. Вы не принимаете «Логос» постольку, поскольку для Вас вообще не приемлема в последнем смысле философия. Нам важно, чтобы это Ваше мнение, столько раз столь определенно Вами высказывавшееся, Вы ныне подтвердили еще раз Вашим согласием на нашу просьбу. Это и будет соответствовать фактам: Вы дали нам уже Вашу статью и, надеюсь, дадите еще. Мотивы Лосского к Вам не относятся. Из того, что Вы дали нам Ваше имя, никто не заключит, что Вы стали партийным философом – против «Пути», в котором Вы сотрудничаете¹¹. Всякий поймет, что Вы сочувствуете «Логосу» *условно*, как признаете ценность философии в сфере *условного*. Недовольство Бориса Николаевича философией Вас тоже вряд ли должно остановить. Думается, Вы не последуете зову Штейнера, и Ваше ни в каком посредничестве не нуждающееся посланничество слишком уверено в себе и слишком широко, чтобы отвергать условную ценность философии.

Так как 30 марта выходит новая книга «Логоса», то нам очень желателен был бы Ваш скорый ответ¹².

Надеюсь, у Вас все благополучно, и Вы довольны Вашим пребыванием в Риме¹³. Я остаюсь здесь до числа 16–20 мая, а затем собираюсь в Германию на лето <зач.: (Кстати, к сведению Марии Михайловны: мы хотели бы во всяком случае>¹⁴ С наслаждением читаю Вашу «Нежную тайну»¹⁵.

Передайте, пожалуйста, искренний привет Вере Константиновне и Марии Михайловне¹⁶.

Сердечный привет шлет Вам искренне Вам преданный
С. Гессен¹⁷

¹¹ Сотрудничество В.И. Иванова в «Пути» ограничилось одной статьей – «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания», – опубликованной в «Сборнике первом. О Вл. Соловьеве» (М.: Путь, 1911).

¹² Это было уже не первое обращение редакции «Логоса» к В.И. Иванову с просьбой о сотрудничестве. «Там (на “башне”. – прим. авт.), – пишет О. Дешарт, – дней десять провел редактор неокантианского “Логоса”, прекрасный оратор, тонкий мыслитель Федор Степун, специально приехавший в СПб., чтобы уговаривать В.И. стать сотрудником чуждого ему журнала» [9, Т. II, с. 824]. В другом месте она уточняет: «В 1910 г. гостил на “Башне” Степун, редкие встречи которого с В.И. Ивановым всегда превращались в “пиршественные беседы”» [9, Т. III, с. 840]. Сам Ф.А. Степун относит свой визит на «башню» к зиме 1910–1911 гг., не упоминая при этом о своих попытках уговорить В.И. Иванова стать сотрудником «Логоса». Мнение В.И. Иванова о «Логосе» зафиксировано в его дневнике 27 июня 1909 г.: «Фрейбургский “Логос” и русский философский кружок – наивны. По-видимому хотят моего косвенного участия. Я похож на натягиваемую тетиву, не знающую, ни кто ее натягивает, ни куда метит стрелок. Я спасаюсь моралью исполнения злобы наступающего дня. Я всегда знаю, что нужно делать непосредственно. Почему-то пристально следя за общей жизнью, даже внимательно относясь к газетам, – я стал недоумевать о многом, что еще недавно казалось вполне выясненным. Я стал плохой и робкий философ. Мне кажется, я плыву на судне, где не я кормчий» [9, Т. II, с. 777].

¹³ В Рим В.И. Иванов с семьей приехал зимой 1913 г. и серьезно обдумывал здесь возможность своего перехода в католичество (см.: [9, Т. III, с. 803]).

¹⁴ С.И. Гессен, видимо, хотел здесь затронуть «жилищный вопрос» (см. ниже его письма к М.М. Замятниной), но не считая возможным смешивать великое с малым, начатую фразу зачеркнул.

¹⁵ Поэтический сборник В.И. Иванова, выпущенный в 1912 г. в Петербурге издательством «Оры» (см.: [9, Т. III, с. 7–60]).

¹⁶ Шварсалон Вера Константиновна (1890–1920) – дочь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, с лета 1913 г. – жена В.И. Иванова.

Замятнина Мария Михайловна (1865–1919) – домоправительница Ивановых, которой посвящено несколько стихотворений В.И. Иванова.

¹⁷ Ответное письмо В.И. Иванова опубликовала А.И. Резниченко (см.: [6, с. 393–398]).

СПб. 27/10 мая <19>13

Глубокоуважаемый и дорогой
Вячеслав Иванович,

Из Вашего письма я вижу, что решение Ваше, к сожалению, бесповоротно, и ему надо подчиниться. Тем настойчивее я просил бы Вас за то дать «Логосу» какую-нибудь статью (из области эстетики), чтобы тем подтвердить Ваше участие в нем как дружественного сотрудника. В данном случае Вы последуете примеру Н. Лосского, напечатавшего статью в том самом номере «Логоса», с обложки которого было впервые снято его имя¹⁸.

У меня экзамены в середине мая кончаются, и я тотчас же уеду во Freiburg, где находятся уже Нина Лазаревна с сыном. Очень хотелось бы с Вами лично побеседовать. Надеюсь, осенью Вы будете в Петербурге?¹⁹

Прошу Вас передать сердечный привет Вере Константиновне. Мой отец благодарит за память и просит кланяться.

Искренне преданный и уважающий Вас
С. Гессен

P.S. Как жалко, что существенный спор Бориса Николаевича с Федором Августовичем по вине обоих принял такую ненужную, злую, личную форму!²⁰

¹⁸ Статья Н.О. Лосского «Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений» (1912–1913, кн. 1–2).

¹⁹ Осенью 1913 г. В.И. Иванов действительно возвратился в Россию, но не в Петербург, а в Москву, о чем 23 августа / 4 сентября 1913 г. уведомила своих читателей газета «Голос Москвы», поместившая на с. 4 (№ 193) такое объявление: «С осени переселяется в Москву из Петербурга Вячеслав Иванов».

²⁰ Имеется в виду полемика А. Белого и Ф.А. Степуна по поводу статьи первого «Круговое движение».

Письма С.И. Гессен к М.М. Замятниной (1912–1913 гг.)²¹

– 1 –

Сестрорецкий курорт
Заречный пр., д. Курбатова
Тел. 41
19 июня <19>12

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Сейчас получил телеграмму от моих знакомых из Рима, которым я предложил квартирное содружество (Р.Б. Шаскольский). Телеграмма гласит: *Der Kommune einverstanden unser Rückkehr Herbst noch unsicher*²². Выяснится это лишь через некоторое время. Итак, я снова не могу дать Вам окончательного ответа. Думаю поискать еще компаньонов, хотя сейчас не предвижу никого. Если Вам не удобно ждать, то пожалуйста не стесняйтесь и сдайте кому-нибудь другому.

Впрочем, следующие два плана: не согласится ли Михаил Алексеевич²³ (как его здоровье?) остаться в своих комнатах (за рублей 30–35) только *без стола*, или другой: одна наша хорошая знакомая (М. Грюнвальд²⁴), «влюбленная в башню», мечтает поселиться в ней, но только с *октября* месяца: т. е. с август<a> по октябрь Вы теряете половину (или немного меньше) квартирной платы (т. е. 80 рублей). Если на последнее Вы согласитесь, то можно считать вопрос поконченным. Тогда сообщите, пожалуйста, когда жене или мне приехать, чтобы с Вами окончательно переговорить. Имейте в виду, что если Вы согласитесь на последнее, то это только *крайний* случай: ведь приезд Шаскольских осенью все-таки очень вероятен.

Итак, жду Вашего ответа
Искренне преданный
С. Гессен

²¹ Публикуются по оригиналам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 109. Оп. 16. Д. 14. Л. 1–11).

Весной (вероятнее всего в мае) 1912 г. В.И. Иванов с женой Верой Константиновной, которая ждала ребенка, дочерью Лидией и М.М. Замятниной уехал из России (во многом из-за того, что его женитьба на падчерице вызвала нежелательные пересуды) сначала в Швейцарию, затем во Францию и Италию. Опустевшая «башня» была по этой причине сдана в наем нескольким лицам, образовавшим «квартирное содружество», в которое входил и С.И. Гессен. Его письма к Замятниной касаются различных финансовых и хозяйственных проблем, связанных с обитанием на «башне».

«Башня», – писал А. Белый, – висела с Таврической над Государственной думою; Недоброво, друг Иванова, рядом жил; в том же подъезде (но первый этаж) проживал генерал Куропаткин; и где-то высоко жил Гессен, философ, сын Гессена.

Мы же, жильцы (имеются в виду «гости». – *прим. авт.*), проживали в причудливых переплетениях «логова»: сам Вячеслав, М. Замятина, падчерица, Шварсалон, сын, кадетик, С.К. Шварсалон, взрослый пасынок; в дальнем вломлении стен, в двух неведомых мне комнатухах, писатель Кузмин проживал; у него ночевали «свой»: Гумилев, живший в Царском; и здесь приночевывали: А.Н. Чеботаревская, Минцлова, я, Степун, Метнер, Нилендер в наездах на Питер являлся: здесь жить; меры не было в гостеприимстве, в радушии, в ласке, оказываемых гостям «Вячеславом Великолепным»: Шестов так называл его <...>.

Из «частых на башне» – запомнились: Е.В. Аничков, профессор и критик, Тамашева (эс-де), Белявские, устроительницы наших лекций, учительницы, прилетающие между лекциями с тараканьем, Столпнер, С.П. Каблуков, математик-учитель и религиозник, Протейкинский, Бородаевский, Н. Недоброво, Скалдин, Чеботаревская, Минцлова, Ремизов, Юрий Верховский, Пяст, С. Городецкий, священник Агеев; являлись многие: Лосский, Бердяев, Булгаков, писатель Чапыгин, Шестов, Сюннерберг, Пимен Карпов, поэты, сектанты, философы, богоискатели, корреспонденты; Иванов-Разумник впервые мне встретился здесь» [3, с. 354–357].

Из «башни» был выход на пологую крышу, куда нередко под утро поднимались собравшиеся у Вяч. Иванова участники «симпозиумов». Однажды на крыше читал свою «Незнакомку» А. Блок (см.: [1, с. 221]).

Слова А. Белого о том, что «где-то высоко» жил Гессен, не находят подтверждения у других мемуаристов, но не исключено, что он мог какое-то время жить в купольной части «башни», т. е. над квартирой В.И. Иванова.

²² На коммуны согласны наше возвращение осенью еще под вопросом (*нем.*).

²³ Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) – поэт, писатель и композитор, многолетний обитатель «башни».

²⁴ М. Грюнвальд – переводчица статьей Б. Кроче и Й. Кона, опубликованных в «Логосе» (№ 2 и 4). Других сведений о ней обнаружить не удалось.

– 2 –

Сестрорецкий курорт,
Заречный пр., д. Курбатова
27 июня <19>12

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Т<ак> к<ак> крайне занят сейчас, то не могу поехать сам в город и вынужден ограничиться письмом. Жена мне передавала, что Вы настаиваете на цифре 100 без услуг. Я был так уверен, что Вы сами раньше предложили 90, что думал, что жена перепутала, почему и просил ее снова переговорить с Вами. Очевидно, перепутал я, хотя именно цифра 90 мне ясно помнится.

Но раз для Вас эта цифра очень существенна, то полагаю, что нам следовало бы на нее согласиться, чтобы кончить наконец эту канитель. Итак, резюмирую условия:

- 1) мы платим Вам в месяц 100 рублей (с дровами)
- 2) швейцару и дворникам около 10 руб.
- 3) срок: 1 августа 1912 – 1 июня 1913
- 4) за август и сентябрь мы получим только половину, причем М.А. Кузьмин в течение августа продолжает жить в квартире.

Кажется, все. О способе уплаты, контракте и т. д. Вы расскажете лично. Пожалуйста, сообщите, когда мне (или жене) приехать в город, чтобы уже *окончательно* условиться с Вами.

Очень извиняюсь за проволочку, в которой я лишь косвенно виноват.

Сердечно преданный
С. Гессен

– 3 –

СПб. Таврическая 25
22 сент<ября> <19>12

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Очень прошу Вас о следующем. Пожалуйста, напишите *немедленно* в Правление Общества электрического освещения 1886 года (СПб. улица Глинки, 14) заявление, в котором Вы просите в квартире Вашей поставить *два* счетчика в виду того, что передали квартиру двум семьям. Упомяните, что счета Ваши простирались на очень большую сумму, и что Вы *просите* (даже считаете, что это очевидно само собою) дать второй счетчик бесплатно. Не забудьте указать адрес квартиры. Без Вашего письменного заявления Общество не согласно что-либо делать в Вашей квартире. – Я прошу Вас немедленно написать потому, что давно уже получил от Сергея Константиновича²⁵ обещание сообщить Вам эту просьбу, которое однако им было забыто. Счетчик же необходимо поставить возможно скорее, т<ак> к<ак> 1-го уже переезжает г-жа Грюнвальд.

Затем: если можно было бы Сергею Константиновичу как-нибудь достать ключи от одной запертой комнаты, то было бы очень хорошо. Сергей Константинович поставил бы туда кое-что лишнее, что осталось в квартире, нам не нужное и не просившееся²⁶ ни мною, ни моей женою (два лишних стола и ванна, хотя и просившаяся²⁷, но к сожалению оказавшаяся совершенно негодною).

Квартирой пока мы очень довольны. С Сергеем Константиновичем уживались весьма и весьма мирно²⁸.

Сердечный привет Вам и Вячеславу Ивановичу от преданного Вам
С. Гессена

Завтра, послезавтра уезжает Сергей Константинович и я бы проверил с ним еще раз Ваш список оставленных вещей²⁹.

²⁵ Шварсалон – сын Л.К. Зиновьевой-Аннибал, пасынок В.И. Иванова.

²⁶ «Не просившееся» – рукой Вяч. Иванова подчеркнуто дважды красным карандашом; сверху надпись, сделанная им же: «ах, ты, Гессененок».

²⁷ «Просившееся» – дважды подчеркнуто красным карандашом.

²⁸ После слова «мирно» В.И. Иванов написал «(!)».

²⁹ В конце письма поперек страницы красными чернилами сделана запись В.И. Иванова: «Павел Афанасьевич писал из Рима: можно – но осторожно».

СПб. 12/25 ноября <19>12

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Очень неприятно мне Вас беспокоить разными пустяками, но приходится. Дело в том, что одна печь в башне дымит так невозможно, что привело окончательно в отчаяние В. Ходорову, снимающую другие комнаты. Да и наша столовая весьма затрагивается этим обстоятельством. Дымит она так часто, что делает комнату (даже всю башню) положительно не обитаемой. Хуже всего то, что и швейцар и дворник (и даже Сергей Констант<инович>) утверждают, что это не случайное, а постоянное свойство печи, от которого почти невозможно избавиться. Сие обстоятельство, в связи с тем, что Вы меня не предупредили о нем, весьма меня, признаться, удивило. Жалобам В. Ходоровой я не могу ничего противопоставить кроме моего искреннего ей сочувствия, т<ак> к<ак> вместе с ней считаю, что занимаемая ею половину квартиры мало пригодна для жилья. Ко всему, несмотря на усиленную топку, температура в ее комнатах (очевидно, вследствие того, что средняя комната закрыта) достигает максимум 10°: факт тоже непредвиденный.

Поэтому обращаюсь к Вашей помощи. За указания был бы весьма благодарен.

Искренне преданный С. Гессен

Сердечный привет Вяч<еславу> Ив<анович>у

СПб. 27/10 мая <19>13

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Если Вы не возвращаетесь в Петербург ранее 10–15 сентября, то может быть Вы разрешите оставить мне в какой-нибудь комнате наши вещи? Ужасно не хочется заниматься укладкой, перевозкой и т. д. Да и лишняя перевозка в склад и из склада только сломает нашу и без того хрупкую мебель. (Конечно, Павлу я буду «за хранение» платить его обычное жалованье). Если Вам это не удобно или если Вы собираетесь приехать сюда раньше 10-го сентября, то, пожалуйста, без стеснений откажите мне. (Я вернусь из-за границы в середине сентября и не хотел бы из-за перевозки мебели приезжать раньше).

Затем. В.Д. Ходорова просит разрешения *эвентуально*³⁰ оставить за собой и на июнь одну комнату, за которую предлагает плату в 25–30 рублей.

Пожалуйста, ответьте на оба вопроса поскорее: я собираюсь уехать числа 25-го. Ответьте, пожалуйста, по адресу:

В.О. II линия, д. 28, кв. 6,

где я с завтрашнего дня буду находиться до 11-го мая. (Т<ак> к<ак> жена моя заболела и уехала, то я переезжаю к приятелю, с которым вместе занимаюсь).

Сердечный привет от искренне преданного

С. Гессена

Квартира на Piazza del Popolo очень аппетитна – что и говорить! Слюнки текут. Одна терраса чего стоит! Нельзя ли хоть скоро перевести в Васано <?>. Жду от <фам.нрзб.> ответа на свои важные вопросы.

От Зелинских получил сначала прилагаемую открытку, а потом телеграмму: “Assueil cordiale telegraphier heure arrivee Mitrophan Catherine” (“Сердечный привет телеграфируют только что прибывшие Митрофан Екатерина”).

В Риме уже заседает конгресс, но не археологический, глубокоуважаемая, а – социологический. Эх, вы, горе-рыцарь!

Впрочем, не падайте духом, хотя и раскайтесь глубоко.

В. И.»

³⁰ Т. е. если это возможно при теперешних обстоятельствах (от лат. eventus – случай).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Художественная литература, 1980.
2. Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
3. Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990.
4. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991.
5. Векслер А., Крашенинникова Т. Суворовский проспект. Таврическая и Тверская улицы. СПб.: Центрполиграф, 2016.
6. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2016.
7. Геродот. История. М.: АСТ, 2006.
8. Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Белый А. Петербург. М.: Наука, 1981. С. 525–623.
9. Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4-х т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1971–1987.
10. Кобак А., Северюхин Д. «Башня» на Таврической (биография дома) // Декоративное искусство СССР. 1989. № 1. С. 35–39.
11. Маяковский В.В. Собрание сочинений: в 12-ти т. Т. XI. М.: Правда, 1978.
12. Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990.
13. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10-ти т. Т. VII. М.: Правда, 1981.
14. Шишкин А. Симпозион на петербургской башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры (Альманах «Канун». Вып. 3). СПб.: Институт русской литературы РАН, 1998. С. 273–352.
3. Bely, A., 1990. Nachalo veka [The beginning of the century]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (in Russ.)
4. Berdyaev, N.A., 1991. Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii) [Self-knowledge: an essay in autobiography]. Moskva: Kniga. (in Russ.)
5. Veksler, A. and Krashenninnikova, T., 2016. Suvorovskii prospekt. Tavrisheskaya i Tverskaya ulitsy [Suvorovsky prospect. Tavrisheskaya and Tverskaya streets]. Sankt-Peterburg: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
6. Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy [Vyacheslav Ivanov. Studies and materials]. Vyp. 2. Sankt-Peterburg: RKhGA, 2016. (in Russ.)
7. Herodotus, 2006. Istoriya [The histories]. Moskva: AST. (in Russ.)
8. Dolgopolov, L.K., 1981. Tvorcheskaya istoriya i istoriko-literaturnoe znachenie romana A. Belogo «Peterburg» [The history of creation and literary significance of Andrey Bely's novel «Petersburg»]. In: Bely, A., 1981. Peterburg. Moskva: Nauka, pp. 525–623. (in Russ.)
9. Ivanov, V., 1971–1987. Sbranie sochinenii: v 4-kh t. [Collected works: in 4 volumes]. Brussels: Foyer Oriental Chretien. (in Russ.)
10. Kobak, A. and Severyukhin, D., 1989. «Bashnya» na Tavrisheskoi (biografiya doma) [The Tower on Tavrisheskaya: biography of a house], Dekorativnoe iskusstvo SSSR, no. 1, pp. 35–39. (in Russ.)
11. Mayakovsky, V.V., 1978. Sbranie sochinenii: v 12-ti t. [Collected works: in 12 volumes]. T. XI. Moskva: Pravda. (in Russ.)
12. Nietzsche, F.W., 1990. Sochineniya: v 2-kh t. [Collected works: in 2 volumes]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
13. Pushkin, A.S., 1981. Sbranie sochinenii: v 10-ti t. [Collected works: in 10 volumes]. T. VII. Moskva: Pravda. (in Russ.)
14. Shishkin, A., 1998. Simposion na peterburgskoi bashne v 1905–1906 gg. [Symposion in St. Petersburg's Tower, 1905–1906]. In: Russkie piry (Al'manakh «Kanun». Vyp. 3). Sankt-Peterburg: Institut russkoi literatury RAN, pp. 273–352. (in Russ.)

REFERENCES

-